

Алина Николаевна Кузнецова
Костромской государственной университет, аспирант

**ОБРАЗ «ДУШИ» В СТИХОТВОРЕНИИ
В. Ф. ХОДАСЕВИЧА «ПСИХЕЯ! БЕДНАЯ МОЯ!..»**

В. Ф. Ходасевич принадлежит к тем русским авторам, кто в своих стихах напряжённо размышляет о природе художественного творчества, настойчиво пытается проникнуть в тайны рождения поэтического слова. Отсюда – особая онтологичность и философская глубина его лирики. Предметом постоянной рефлексии Ходасевича-поэта становится проблема творческого вдохновения. В данном докладе мы рассмотрим особенности генезиса, смыслового наполнения и поэтики образа «души», созданного в стихотворении Ходасевича «Психея! Бедная моя!..» являющегося художественной доминантой в его поэтическом сборнике «Тяжёлая лира».

В 1922 году в своей статье «Окно на Невский» Ходасевич отмечал: «В тот день, когда Пушкин написал “Пророка”, он решил всю грядущую судьбу русской литературы, указал ей “высокий жребий” ее: предопределил ее “бег державный”. В тот миг, когда серафим рассек мечом грудь пророка, поэзия русская навсегда перестала быть всего лишь художественным творчеством. Она сделалась высшим духовным подвигом, единственным делом всей жизни. Поэт принял высшее посвящение и возложил на себя величайшую ответственность. Подчиняя лиру свою этому высшему призванию, отдавая серафиму свой “грешный” язык, “и празднословный и лукавый”, Пушкин и себя, и всю русскую литературу подчинил голосу внутренней правды, поставил художника лицом к лицу с совестью, – не даром он так любил это слово. Пушкин первый в творчестве своем судил себя страшным судом и завещал русскому писателю роковую связь человека с художником, личной участи с судьбой творчества <...>» [6].

В стихотворении «Психея! Бедная моя!..» Ходасевич продолжает говорить об этой связи, «закреплённой кровью» творца. В отличие от стихотворения Пушкина «Пророк», в котором лирический герой принимает жертвенность как неизбежность и провозглашает необходимость для поэта «исполниться волею» Бога, в строках Ходасевича выражено трепетное, боязливое смятение «души»: «Внимать не смеет и не хочет: // Заслушаться так жутко ей...» [5, с. 41]. Лирическим субъектам Пушкина и Ходасевича доступен «дар тайнослышанья». Но мистическое и торжественное «вручение» «дара» в «Пророке» противопоставлено «пророчеству безмолвия»: «И шестикрылый серафим // На перепутье мне явился». Грозный ангел

является герою, томимому духовной жаждой. Однако «душа» лирического героя Ходасевича страшится духовных подвигов:

Заслушаться так жутко ей
Тем, что безмолвие пророчит
В часы мучительных ночей... [5, с. 41].

Оба стихотворения написаны четырёхстопным ямбом с чередованием женских и мужских рифм, но наличие во втором из них пиррихий почти в каждой строке смягчает «маршевое звучание» ямба, «успокаивает» его, придаёт мелодичное звучание.

Находящееся почти в начале сборника Ходасевича «Тяжёлая лира» стихотворение «Психея! Бедная моя!..» по своему смыслу антитетично другому, замыкающему цикл, – «Балладе». При рассмотрении этих стихов в контексте сборника можно проследить духовное развитие лирического субъекта – путь его «души». В первом из них: «Психея! Бедная моя! // Дыханье робко затая, // Внимать не смеет и не хочет: // Заслушаться так жутко ей // Тем, что безмолвие пророчит ...» [5, с. 41]. Но в «Балладе» происходит почти бессознательный процесс перевоплощения героя под воздействием необъяснимой (неназванной!) таинственной силы – вдохновения. После того, как герой ощущает скудость земного бытия, с ним неожиданно начинают свершаться странные изменения: «<...> кому мне поведать, как жалко себя и всех этих вещей?// И я начинаю качаться, колени обнявши свои, // И вдруг начинаю стихами// С собой говорить в забытьи...» [5, с. 61]. Вдохновение приходит помимо воли героя. Но в данном стихотворении человек подвластен этому состоянию, не сопротивляется, а сопричастен происходящему. Это не позиция жертвы, а равенство с Творцом: «Я сам над собой вырастаю, // Над мёртвым встаю бытиём, // Стопами в подземное пламя, // В текущие звёзды челом...<...> И кто-то тяжёлую лиру // Мне в руки сквозь ветер даёт» [5, с. 61]. И Богоподобен лирический герой: «На гладкие чёрные скалы // Стопы опирает Орфей» [5, с. 61].

Образ «души» по-разному истолкован Ходасевичем в стихотворениях «Психея! Бедная моя!..» и «Пробочка». В первом произведении «Психея» – робкое, хрупкое, затаившееся существо, светлое и легковесное: «Простой душе невыносим // Дар ...<...> // Психея падает под ним...» [5, с. 49]. В такой художественной трактовке символ «Психеи» противопоставляется другой образной вариации: «душе», уподобленной йоду, сжигающему и разъедающему тело («пробочку»). Возникает контекстная антитеза: душа-Психея – душа, оказывающаяся едким веществом. Можно сделать вывод, что от навязанного «тайнослышанья» происходит метаморфоза образа: субстанция души-Психеи под воздействием вдохновения превращается в едкое вещество, съедающее (разлагающее) физическое тело.

«Навязанность», принуждённость «тайнослышанья» и вдохновенья в контексте стихотворения «Психея! Бедная моя!..» подтверждается и эпитетом: «Вдохновение твердит // Свои **пифийские** глаголы?» (выделено мною. – А. К.) [5, с. 41].

Толковый словарь иноязычных слов так объясняет лексему «пифия»: «В Древней Греции: жрица-прорицательница в храме Аполлона в Дельфах, восседавшая на треножнике над расщелиной скалы, откуда поднимались одурманивающие испарения, и произносившая под их воздействием бессвязные речи, которые истолковывались жрецами как прорицания, пророчества[1, с. 595]. В сочетании с эпитетом «пифийские», образованным от слова «пифия», автором использована лексема «глаголы», в данном контексте имеющая значение «слова» [3, с. 168]. Она явно отсылает к стихотворениям Пушкина «Пророк» и «Поэт». В согласованной связи две лексемы «пифийские глаголы» образуют единую семантическую целостность, становятся окказиональным фразеологическим единством со значением «слова», внушённые кем-либо (чем-либо), вдохновлённые, возможно, не до конца осознаваемые так называемым адресатом. Таким образом, в лирическом пространстве стихотворения герою предоставляется пассивная роль «воспринимателя пифийских глаголов», губительная для его души. В контексте цикла антитеза образов возникает при сопоставлении стихотворений «Психея! Бедная моя!..» и «Баллада». Происходит трансформация образа души. «Пифийские глаголы» продолжают приходить – герой произносит алогичные, невнятные слова. Тем не менее, они пленяют слушателей своей музыкальностью, каким-то гипнотическим свойством: «Бессвязные страстные речи! // Нельзя в них понять ничего, // Но звуки правдивее смысла, // И словосильнее всего» [5, с. 61]. Слово, обладающее силой, преображает лирического героя, превращая его в демиурга, обладающего сверхчеловеческим могуществом: «Я сам над собой вырастаю»; «вижу большими глазами» [5, с. 61]. Примечательно, что лирические размышления Ходасевича о природе вдохновения коррелируют с рассуждениями современного литературоведа В. Е. Хализева. Последний отмечает: «Художественная субъективность включает в себя (помимо осмысления жизни и стихийных “вторжений” душевной симптоматики) также переживание автором собственной творческой энергии, которое издавна именуется вдохновением. <...>Вдохновение и переживание собственной творческой свободы обретают у художника форму пристального всматривания, вчувствования, вслушивания, чему нередко сопутствует ощущение своей подчиненности чему-то вовне находящемуся, мощному, неотвратимому и поистине благому. <...>Большим поэтам нередко присуще представление о себе как о пишущих под диктовку,

фиксирующих единственно нужные слова, которые пришли откуда-то извне, от некоего глубинного жизненного начала, будь то любовь, совесть, долг либо что-то еще, не менее властное» [4, с. 77].

В стихотворении «Психея! Бедная моя!.. » душа и происходящее с ней рассматриваются со стороны. Глаголы употреблены в форме третьего лица, что подчёркивает «отделённость» души от героя. Это же показывает оценочная лексика, использованная в лирическом монологе, подтверждающая «отстранение» героя от предмета его рефлексии: «Бедная моя!..<...> Увы! За что...» [5, с.41].

Своеобразный синтаксис первой строфы стихотворения указывает на «страдательную», пассивную роль души; в нём преобладают односоставные предложения. Эмоциональные обращения, начинающие произведение, усиливают драматизм лирических эмоций. Определённо-личное предложение в составе сложного, следующего за ними, содержит глаголы со значением отрицания: «<...> внимать не смеет и не хочет» [5, с.41]. Отсутствие действий объясняется последующим содержанием предложения: «Заслушаться так жутко ей // Тем...» [5, с.41]. И лишь придаточное предложение имеет подлежащее, в смысловом сочетании со сказуемым составляющее оксюморон – «безмолвие пророчит»: «Заслушаться так жутко ей // Тем, что безмолвие пророчит // В часы мучительных ночей»...» [5, с.41]. Контекстное противопоставление в данной интерпретации позволяет читателю предположить, додумать, как действие «прорицания» может происходить «безмолвно».

Е. С. Лавриненко в статье «Орфический миф в лирике В. Ф. Ходасевича» анализирует представления о теургической личности, воплотившиеся в «Тяжёлой лире», сравнивая их с художественной философией Вяч. Иванова: «Появившийся в поэтическом сборнике “Тяжелая лира” мотив избранности поэта становится лейтмотивным в творчестве Ходасевича. По Ходасевичу, поэт – обладатель сакрального знания, подобный герою лирики Вяч. Иванова, писавшего: “Заклятья древние, казалось, узнавались, / Им, им одним... ”. <...> У Вяч. Иванова поэт наделен даром общения с высшей реальностью: “Не медли! ” – звал он Рок, и зову Рок ответил»[2].

Несмотря на то, что Ходасевич противопоставлял себя символистам в автобиографическом очерке «Младенчество» [7, т. 4, с.190], в его поэтике можно заметить общие с ними мотивы. Анализ стихотворения «Психея! Бедная моя!..», входящего в сборник «Тяжёлая лира» и являющегося центральной смысловой доминантой сборника, подтверждает, что Ходасевич так же, как и поэты-символисты, считал поэзию высшим духовным подвигом. Однако истоки его концепции «вдохновения», развёрнутой в этом поэтическом сборнике, ставшем вершиной творческой зрелости Ходасевича, связаны и с освоением

художественной философии Пушкина, столь глубоко выраженной в стихотворениях «Пророк» и «Поэт». Стихотворение Ходасевича «Психея! Бедная моя!...» показывает глубину авторской онтологии: путь человека идёт через душевное уничтожение, преодоление и преобразование. «Психея»-душа находится вне земного бытия человека, чтобы возродиться к подлинному бытию, ей нужно, пройдя препятствия, стать «духом».

Литература

1. Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов: 25000сл. М., 2008.
2. Лавриненко Е. С. Орфический миф в лирике В. Ф. Ходасевича [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://os.x-pdf.ru/20istoriya/744353-1-es-lavrinenko-orficheskiy-mif-lirike-hodasevicha-istorii-mirovoy> (дата обращения: 26.02.2020).
3. Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь русского языка: 60000 сл. М., 2008.
4. Хализев В. Е. Теория литературы: Учебник М., 2002.
5. Ходасевич В. Ф. Колеблемый треножник: Избранное. М., 1991.
6. Ходасевич В. Ф. Окно на Невский [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.pushkin-lit.ru/pushkin/public/hodasevich-okno-na-nevskij.htm> (дата обращения: 26.02.2020).
7. Ходасевич В. Ф. Собрание сочинений: в 4 т. М., 1996.